Е. Дампель.

Пироговъ, какъ мыслитель.

(Рѣчь, произнесенная 14 ноября 1910 г. въ открытомъ общемъ собраніи Перновскаго Педагогическаго Общества, посвящен памяти Н. И. Пирогова, по случаю 100-лѣтія со дня рожденія).

Ищи быть и будь человѣкомъ.

Пироговъ.

Перновъ,
Типографія Г. Лаане.
1912.

Е. Дампель.

Пироговъ, какъ мыслитель.

(Рѣчь, произнесенная 14 ноября 1910 г. въ открытомъ общемъ собраніи Перновскаго Педагогическаго Общества, посвящен. памяти Н. И. Пирогова, по случаю 100-лѣтія со дня рожденія).

Ищи быть и будь человѣкомъ.

Пироговъ.

Перновъ, 1912.
Типографія Г. Лаане.

Мы переживаемъ трудное критическое время мощныхъ по своимъ послѣдствіямъ и значенію культурныхъ переворотовъ техническаго, соціальнаго и духовнаго характера. Въ вѣкъ колоссальнаго успѣха опытныхъ и прикладныхъ наукъ, въ вѣкъ пара, электричества и воздухоплаванія, въ вѣкъ дѣловой, практическій и прозаическій, — въ нашъ вѣкъ потрясены устои цивилизованнаго человѣчества. На мѣстѣ многихъ нерушимыхъ прежде, освященныхъ традиціей принциповъ жизни, во прахѣ лежатъ обломки старыхъ кумировъ. И всеразъѣдающая струя скептицизма подкапывается все дальше и глубже и тамъ, гдѣ уцѣлѣли еще „преданія старины глубокой. . .“ Отсюда трагедія современности — разрывъ между внѣшней и внутренней жизнью. Грандіознымъ успѣхамъ техники, изобрѣтеній и открытій, всей колоссальной культурѣ вещей не соотвѣтствуетъ современная культура духа. Для современнаго сознанія утерянъ смыслъ жизни и цивилизаціи. Всюду разлито ядовитое тяжелое сомнѣніе: да не фикція ли вся эта жизни? не пустая ли иллюзія то, что принято считать истиной, добромъ, красотой, во имя которыхъ человѣчество приноситъ на алтарь жизни все лучшее своего „Я“? стоитъ ли вообще болѣть о мірѣ, есть ли въ немъ

смыслъ? и какой смыслъ въ культурѣ, въ прогрессѣ, въ общественной жизни? и т. д., и т. д.

Если есть счастливцы, которымъ судьба разрѣшаетъ созерцать со стороны, въ качествѣ зрителей, жестокую погоню человѣчества за кускомъ хлѣба, и дастъ, казалось бы, возможность разобраться въ загадкахъ бытія, то не раздается ли и изъ ихъ среды знакомый вопль души, не доносится ли докучливое слово, прочно укореняющееся въ нашъ непрочный вѣкъ, ярко горящее, не потухая, надъ калейдоскопомъ жизни: **некогда**!.. Всѣ вѣчно заняты, спѣшатъ, торопятся, всѣмъ некогда, — вотъ ахиллесова пята культуры новѣйшаго времени. Культура вещей такъ сжала людскую жизнь, что жизнь становится ненормально интенсивной. Вѣчный шумъ и толчея города, извѣстія, тревоги и впечатлѣнія всего земного шара, письма, газеты, телефоны и пр. и пр. рвутъ на мелкія части нашъ день, нашу жизнь. Нѣтъ больше времени, нѣтъ пространства! И нѣтъ у человѣка своего уголка, физически не можетъ разобраться бѣдная голова его даже въ ежедневныхъ впечатлѣніяхъ, когда день теперь то же, что былъ годъ въ доброе старое время.

Т. наз. литература-moderne, съ ея отрицаніемъ смысла жизни, прогресса, нравственности, съ ея парадоксами, причудами и пр., свидѣтельствуетъ между строкъ, о духовной подавленности ея творцовъ и о мучительномъ нащупываніи или новыхъ путей или новаго обоснованія стараго. Поразительна безпомощность вѣщателей „новыхъ словъ", ихъ ужасъ передъ жизнью и недоумѣніе передъ ея загадками.

Гордая собой современность, съ ея механикой и рефлексами вмѣсто души, забрела въ тупикъ. Сказалась старая истина: надо знать, зачѣмъ живешь, надо знать, какъ и чѣмъ жить. — И насколько осложнилось нынѣ воспитательное дѣло, когда молодежь, среди общей растерянности, начинаетъ свою жизнь великимъ презрѣніемъ ко всему, что было и что существуетъ, когда провозглашается, что одни лишь инстинкты являются истиной и что изъ нихъ порождаются великія вдохновенія и великіе импульсы! Что дѣлать съ этимъ больнымъ и тоскующимъ, вялымъ и неспособнымъ къ жизненной борьбѣ поколѣніемъ? [1])

Въ такія глубоко критическія эпохи, какъ наша, на педагогахъ, по преимуществу, лежитъ трудная, но почетная задача воспитанія личностей, способныхъ правильно цѣнить культурныя блага и бодро работать надъ созданіемъ этихъ сокровищъ. Идеаломъ педагога должно служить созданіе изъ ученика гармонической личности, которая, научившись самостоятельно мыслить и работать, одушевленная неутомимымъ стремленіемъ къ выработкѣ своего внутренняго міра, можетъ добиться пониманія всей безграничной работы человѣческаго духа.

Но чтобы быть достойными руководителями, нужно самимъ себѣ выработать стойкую духовную культуру, необходимо имѣть опредѣленное міросозерцаніе. Существуетъ много путей къ достиженію этого. Но, во всякомъ случаѣ, примѣръ великихъ мыслителей и педагоговъ имѣетъ особую силу. На выработку нашего міросозер-

[1]) Мысли Паульсена. — Вѣстн. воспит., № 6, сент., 1908 г., стр. 115–116.

цанія, въ свое время, рѣшающее вліяніе оказали возвышенныя идеи покойника-юбиляра Н. И. Пирогова. Нашей непосредственной задачей и служитъ посильное изложеніе его удивительно яснаго, стройнаго, умнаго и свѣтлаго міросозерцанія. Во многихъ другихъ отношеніяхъ Н. И. Пироговъ, пожалуй, уже — достояніе исторіи, и разсматривать его приходится въ исторической перспективѣ. Но, какъ мыслитель, великій врачъ-педагогъ не нуждается въ комментаріяхъ, онъ самъ говоритъ за себя. Его система еще ожидаетъ своего истолкователя, и, повидимому, только безпристрастному будущему выпадетъ честь памятовать Пирогова, какъ учителя жизни.

II.

Вниманіе мыслящихъ и наблюдательныхъ людей нашего времени давно уже обращено на духовное измельчаніе общества, — объ этомъ свидѣтельствуютъ писатели и мыслители всѣхъ культурныхъ странъ. Левъ Толстой не разъ писалъ, до какой степени поражало его нравственное и умственное одичаніе русскаго общества съ тѣхъ поръ, какъ онъ его помнитъ. Еще въ 40-хъ годахъ онъ встрѣчалъ въ Россіи много образованныхъ и нравственно чуткихъ людей, которые теперь все рѣже и рѣже. Съ общимъ пониженіемъ духа упала не только нравственность, но и таланты, и даже эстетическій вкусъ. Въ хорошо памятную Толстымъ старину люди „Бога помнили“, теперь же его „забыли“.

Тотъ же ужасающій развалъ культуры духа наблюдается и на Западѣ. Вспомнимъ, что

писалъ виднѣйшій созидатель современной англійской культуры Д. Рескинъ! Что другое, какъ не протестъ противъ моральнаго мѣщанства, выражаютъ въ своихъ произведеніяхъ Ницше, Ибсенъ, Гамсунъ и др. видные писатели и художники нашего времени.

Н. И. Пирогова, 50 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, поразило то же самое: люди живутъ безсознательно! Одни служатъ золотому тельцу, другіе слишкомъ поспѣшно проникаются скептицизмомъ къ жизни и строятъ легковѣсныя теоріи гедонизма, третьи уходятъ въ сектантство и т. д. Автора „Вопросовъ жизни" поразила популярность мнѣнія, что обществу „необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди, что всюду прочно укоренился взглядъ, будто людей, собственно, нѣтъ на свѣтѣ, что люди — это „одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества".[1])

„Правда это или нѣтъ?" — съ болью въ сердцѣ спрашиваетъ великій гуманистъ. Вѣдь всякій нормальный человѣкъ, если онъ не идіотъ и не автоматъ, вступая въ жизнь, рано или поздно невольно натыкается на мучительную загадку: для чего онъ живетъ? въ чемъ смыслъ жизни и ея назначеніе? къ чему мы призваны? и т. д. Не довѣряя собственнымъ силамъ, человѣкъ обращается за содѣйствіемъ къ обществу: мнѣніе „всѣхъ" импонируетъ слабымъ несамостоятельнымъ головамъ. И вмѣсто хлѣба вопрошающій получаетъ камень! Оказывается, что вопросы: почему да отчего? „всѣми" давно

[1]) Соч. Н. И. Пирогова, въ 2 томахъ. — Типогр. М. М. Стасюлевича. — СПБ. 1887 г. (Всѣ цитаты прив. по указ. изд.) — Т. II, стр. 1.

признаны, по меньшей мѣрѣ, праздными. Общество такъ организовано, что оно „для большей массы людей, само, безъ ихъ сознанія задаетъ и рѣшаетъ эти вопросы и даетъ этой массѣ, пользуясь ея силою инерціи, извѣстное направленіе, которое оно считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія.“[1])

Но человѣкъ, необходимо согласуя свою жизнь съ направленіемъ общества, однако, страдаетъ отъ силы инерціи, увлекающей его въ сторону жизни этого общества: индивидуумъ живетъ не только для соціальнаго коллектива, но и для самого себя. И вотъ, сознаніе у него раздвояется, онъ колеблется, блуждаетъ, въ концѣ концовъ отчаивается и ввѣряетъ кормило року. Все та же слѣпая сила инерціи быстро уноситъ разувѣрившагося въ водоворотъ жизни, и подъ общій припѣвъ: если хочешь быть счастливымъ съ нами, не теряй времени на напрасныя размышленія о необъяснимомъ, оставь мысль о нравственной основѣ твоего воспитанія, — человѣкъ скоро дѣлается, „какъ и всѣ“. И большинство продаетъ свое высшее достояніе за чечевичную похлебку и живетъ изо дня въ день, скитаясь по житейскому морю безъ руля и безъ вѣтрилъ. Люди живутъ такъ, какъ живется, и умираютъ, не зная, зачѣмъ жили. Отсюда скороспѣлыя заключенія, что жизнь — „даръ случайный, даръ напрасный“, что жизнь — „пустая и глупая шутка“ и пр.

Какимъ радостнымъ диссонансомъ подобнымъ упрекамъ жизни звучитъ экспромтъ великаго врача-педагога, невольно вылившійся

[1]) Т. II, стр. 1.

изъ тайниковъ души старца, незадолго до его смерти! Во время прогулки, умиленный красотой природы, съ навернувшимися на глазахъ слезами, онъ останавливается на мысли:

Не случайный, не напрасный,
Даръ таинственный, прекрасный,
Жизнь, ты съ цѣлью мнѣ дана?

„И оттого, — восклицаетъ Пироговъ, — что никто не могъ разгадать тебя, чудный даръ жизни, неужели мы должны упрекать тебя въ нелѣпой случайности, должны опошлять тебя, играть и не дорожить тобою! Насъ беретъ зло, что не хватаетъ силы раскрыть тайну дара, и мы со зла готовы хоть сейчасъ утверждать, что ни секрета, ни цѣли тутъ вовсе нѣтъ, что ларчикъ жизни открывается просто per vaginam, закрывается такъ же легко — землею?

„Мы привыкли съ самой колыбели къ жизни, и смотримъ потому на жизнь и на свѣтъ, какъ на обыкновенныя, вседневныя вещи; это, конечно, наше счастье, хотя легкомысленное и пошленькое счастье. Но что было бы со всѣми нами, если бы умъ нашъ постоянно вникалъ и вдумывался въ самую суть насъ самихъ и всего окружающаго насъ? На каждомъ шагу мы встрѣчались бы лицомъ къ лицу съ непроницаемою, тяготѣющею надъ нами тайною; на каждомъ шагу недоумѣніе и сомнѣніе отягчали бы наше раздумье. Что это за странное плаваніе и круженіе въ безпредѣльномъ пространствѣ тяготѣющихъ другъ къ другу шаровидныхъ массъ? Что это за непонятное существованіе безчисленныхъ міровъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же вещественныхъ атомовъ и отдѣленныхъ

навѣки одинъ отъ другого едва вообразимыми, по своей громадности, пространствами? Что значитъ эта безконечная разновидность формъ? А сцѣпленіе, тяготѣніе, сродство, постоянная вибрація атомовъ — развѣ всѣ эти обыденныя для насъ явленія — не тайны, скрытыя подъ научными именами?"[1]) и пр., и пр.

Не всегда, но встрѣчаются люди, „имѣющіе притязаніе на умъ и чувство." Они не довольствуются временнымъ настроеніемъ, не могутъ помириться съ положеніемъ приговореннаго къ смерти; они не хотятъ быть „ни смиренными поклонниками мертвой буквы, ни дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, ни суемудрыми поборниками грубаго матеріализма, ни восторженными поклонниками одного разума."[2])

Они оставляютъ общепринятые взгляды, безсильные рѣшить по существу основные вопросы бытія, они прокладываютъ себѣ новые пути, они самоотверженно ищутъ рѣшенія „столбовыхъ вопросовъ жизни", ихъ не удовлетворяетъ обыденная жизнь съ ея стремленіемъ къ обогащенію, съ ея „вакханаліями паганизма", которыя Евангеліе считаетъ роковой препоной къ достиженію истиннаго счастія.[3])

Такимъ людямъ остается одно — перевоспитать себя.

„Прожить полжизни, чтобы узнавать и перевоспитывать себя! — неутѣшительно и все же лучше, чѣмъ умереть, не узнавъ себя!" — восклицаетъ Пироговъ,[4]) лично пережившій всѣ

[1]) Т. I, стр. 53—54.
[2]) Т. II, стр. 10.
[3]) Т. II, стр. 13.
[4]) Т. II, стр. 16.

увлеченія Вольтеромъ и Руссо, „грубѣйшій“, по собственнымъ словамъ, матеріалистъ и атеистъ въ молодые годы, а въ 40 лѣтъ искренно вѣрующій христіанинъ.

Перевоспитывать себя значитъ обратиться къ самопознанію. Обратитесь къ способности, дремлющей въ каждомъ человѣкѣ, къ способности сознавать, что мы сознаемъ себя[1]), — къ самосознанію; отвлекитесь отъ жизни, всмотритесь въ самихъ себя, углубитесь въ сокрытые рудники души, — и вы откроете двойника въ себѣ. И чѣмъ кто больше жилъ, думалъ и чувствовалъ, тѣмъ болѣе запутывается его двойственность въ извилистыхъ ходахъ сознанія, тѣмъ труднѣе разобраться въ сокровенныхъ движеніяхъ своего сердца. Дѣти всѣхъ лучше себя знаютъ. Изъ ихъ души еще не успѣлъ образоваться двойникъ, преслѣдующій и парализующій силы взрослыхъ людей.

И напрасна была бы надежда достигнуть когда-либо матеріальной ясности, очевидности, строгой послѣдовательности въ взглядахъ! „Кто думаетъ логически, посредствомъ силлогизмовъ, начертать начало самосозерцанія и составить изъ нихъ стройное ясное цѣлое, тотъ не понимаетъ сущности отвлеченія, тотъ не только не рылся въ себѣ, но и не заглядывалъ въ свой сокровенный лабиринтъ“.[2]) Нѣтъ, не тамъ источникъ сознанія! Въ противность распространенному, даже въ концѣ XIX в., механическому, или автоматическому взгляду на природу сознанія, согласно которому сознаніе выводится изъ рефлексовъ, Пироговъ настаи-

---

[1]) Т. I, стр. 168.
[2]) Т. II, стр. 18.

валъ (и это подтверждаютъ Джемсъ въ психологіи и все растущая идеалистическая школа въ философіи) на спонтанности характера сознанія, т. е., что оно начинаетъ дѣйствіе отъ себя, что рефлексы развились изъ сужденій. Отсюда слѣдуетъ утвержденіе, что многое безсознательное раньше было сознательнымъ.

„Нестройный хороводъ однихъ завѣтныхъ предчувствій, однихъ туманныхъ призраковъ мысли, вызванный вдохновеніемъ изъ бездонной глубины на видимый горизонтъ души — вотъ сущность отвлеченія! . ."

„Не думайте, что сущность истины для насъ ясна. Одни проявленія ея свѣтлы; но и они такъ свѣтлы, что мы еще не привыкли смотрѣть на нихъ. Что кажется обыкновенному уму чрезвычайно простымъ, яснымъ и отчетливымъ — еще не истина. Когда одни ея слабые проблески до насъ доходятъ отрывками; когда однимъ высокимъ умомъ, и то въ часы высокихъ вдохновеній, удается иногда постигнуть тотъ или другой отрывокъ проявленія истины въ мірѣ матеріальномъ; — то можемъ ли мы ожидать, чтобы мы могли получить ясныя свѣдѣнія о скрытомъ въ глубинѣ ея источникѣ?"[1])

Если мы теперь обратимся къ современной намъ философіи нашихъ дней, то мы, къ изумленію нашему, встрѣтимъ какъ бы повтореніе мыслей Пирогова. Такъ, напр., альфой и омегой философскаго метода Анри Бергсона, увлекательнѣйшаго мыслителя нашего времени, оказывается все тотъ же призывъ къ интуиціи. Направленіе, исходящее отъ непосредственнаго

[1]) Т. II, стр. 18—19.

даннаго, стремящееся, между прочимъ, уяснить генезисъ математики и логики, какъ производныхъ формъ познавательнаго процесса, нынѣ имѣетъ даже особый терминъ — гносеологическій интуитивизмъ. Все болѣе и болѣе укореняется мысль, что только интуиція является орудіемъ абсолютнаго познанія. — И точно такъ же слѣдуютъ оговорки, что интуиція, доступная человѣческому сознанію, оказывается бѣглой и неполной. Бергсонъ сравниваетъ интуитивное сознаніе со свѣтомъ почти потухшей лампы, которая вспыхиваетъ лишь время отъ времени, едва на нѣсколько мгновеній. Но, говоритъ онъ, своимъ колеблющимся свѣтомъ она, тѣмъ не менѣе, освѣщаетъ нашу личность, нашу свободу, мѣсто, которое мы занимаемъ въ совокупности природы, наше происхожденіе и, можетъ быть, также нашу судьбу.—

Итакъ, по мнѣнію Пирогова, руководящія идеи мы получаемъ изъ области подсознательнаго „я"; разработка же и осуществленіе ихъ уже дѣло разсудка. Первое открытіе въ самопознаніи — это постиженіе пространства, иногда пропасти, раздѣляющей мысль отъ ея проявленія въ словѣ и дѣлѣ. Выясняетя раздвоенность сознанія, и отсюда смѣшанное чувство утѣшенія и тоски по двумъ отчизнамъ — земной и возвышенной, влекущимъ въ діаметрально противоположныя стороны. Только со временемъ, съ укрѣпленіемъ самосознанія, является убѣжденіе, что „борьба (но не вражда!) съ этой двойственностью и матеріальнымъ бытомъ, безпрестанное стремленіе привесть этотъ дуализмъ къ одному знаменателю — есть цѣль здѣшней жизни, прямое назначеніе на

землѣ."[1]) Подобное убѣжденіе, окрѣпнувъ въ борьбѣ, создаетъ соотвѣтствующій идеалъ — окончательное сліяніе враждующихъ началъ безусловную гармонію человѣческаго сознанія.

Разъ найденъ идеалъ, то духовнымъ очамъ открывается свѣтлый міръ вѣры. „Безусловное довѣріе къ избранному идеалу — вотъ начало вѣры."[2]) Вѣра — это чистое отвлеченіе души; тутъ нѣтъ никакихъ цѣлей и задачъ. Вѣра необходима, какъ самая глубокая потребность души, индивидуально для каждаго болѣе, чѣмъ для общества. Въ душѣ каждой человѣческой особи есть частичка не отъ міра сего, ищущая себѣ и духовной пищи (Т. I, стр. 206). И знаніе спокойно уживается въ одной душѣ вмѣстѣ съ вѣрой, не нуждающейся въ знаніи.[3])

Итакъ, выясняется недостаточность чистаго знанія для цѣлостнаго міросозерцанія. Пироговъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Вотъ я, не оспаривая достоинствъ позитивизма и его пригодности для многихъ высокихъ умовъ, считаю его, однако же, для моего собственнаго ума непригоднымъ (т. I, стр. 42)." Стать позитивистомъ Пироговъ могъ бы, только насилуя самого себя.[4]) Онъ говоритъ: „Что умъ съ его разъѣдающимъ анализомъ и сомнѣніемъ? Развѣ онъ успокаивалъ, подавалъ надежду, утѣшалъ и водворялъ миръ и упованіе въ душѣ? А вотъ осуществленный идеалъ вѣры — онъ проникъ всю душу, не оставивъ въ ней мѣста для сомнѣній, анализовъ и, разомъ овладѣвъ ею, вселяетъ бла-

---

1) Т. II. стр. 20—21.
2) Т. I, стр. 170.
3) ibid.
4) Т. I, стр. 42.

женство и восторгъ."[1]) — „Я благодарю Бога за то, что по крайней мѣрѣ успѣлъ понять себя и увидалъ, что мой умъ можетъ ужиться съ искреннею вѣрой. И я, исповѣдуя себя весьма часто, не могу не вѣрить себѣ, что искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя."[2])

Такъ говоритъ человѣкъ, по собственному заявленію (т. I, стр. 42), вѣрой и правдой прослужившій эмпирическому направленію слишкомъ 50 лѣтъ. Для человѣка со складомъ ума Н. И. Пирогова „невозможно оставаться по всѣмъ занимающимъ его вопросамъ жизни въ этомъ одномъ направленіи или, другими словами, сдѣлаться позитивистомъ и сказать себѣ: стой! ни шагу далѣе![3]) Его всегда будутъ привлекать вопросы сверхъэмпирическіе. И если нельзя найти рѣшенія этихъ вопросовъ строго логическимъ путемъ, годнымъ (по мнѣнію Бергсона) для узко-практическихъ цѣлей, то остается прибѣгнуть къ помощи отвлеченія, абстракціи. Да, наконецъ, безъ отвлеченія не существуетъ ни одно умозаключеніе, какъ бы индуктивно оно ни было, немыслима самая дѣятельность нашего ума. Въ самомъ дѣлѣ, „пространство — фактъ, время — фактъ, движеніе — фактъ, жизнь — фактъ, и въ то же время и пространство, и время, и движеніе, и жизнь — самыя крупныя и первостепеннѣйшія отвлеченія".[4])

Съ другой стороны, не видя и не ощущая неизмѣримаго и безграничнаго, тѣмъ не менѣе, мы роковымъ образомъ признаемъ фактическое

[1]) Т. I, стр. 42.
[2]) Т. I, стр. 174—5.
[3]) Т. I, 42.
[4]) Т. I, 26.

его существованіе. Не-фактъ существуетъ такъ же фактически, какъ и фактъ! И въ существованіи безграничнаго и безмѣрнаго мы убѣждены гораздо болѣе, чѣмъ былъ убѣжденъ Колумбъ въ существованіи Америки до ея открытія. Разница только въ томъ, что мы нашу Америку никогда не откроемъ такъ, какъ онъ свою."[1])

Далѣе, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни, каковы бы они ни были, человѣческій умъ находитъ свои собственныя существеннѣйшія стремленія въ неизмѣримо высшемъ размѣрѣ и не можетъ не признать первобытнаго и самостоятельнаго бытія высшаго начала, дѣйствующаго по тѣмъ же, какъ и онъ самъ, законамъ цѣлесообразности и творчества.[2]) Ему приходится признать, что безграничное и вѣчное не только есть требованіе (постулатъ) нашего разума, но и самый громадный фактъ; что все ограниченное и временное есть только проявленіе безграничнаго и вѣчнаго начала. Нашъ умъ, съ его стремленіемъ къ цѣле- и законосообразности, находитъ самого себя и свойственное ему стремленіе къ цѣли и плану внѣ себя; дѣлаетъ открытіе, что онъ есть проявленіе другого, Высшаго, мірового ума. И отсюда выводъ: „изъ моего міровоззрѣнія, – пишетъ Пироговъ, — заключаю, что существованіе Верховнаго Разума, а, слѣдовательно, и Верховной Творческой Воли я считаю необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ (постулатомъ) моего собственнаго разума, такъ что, если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованія Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума!"[3])

[1]) Т. I, стр. 27.
[2]) Т. I, стр. 30.
[3]) Т. I, стр. 155.

Пироговъ былъ глубоко убѣжденъ, что существуетъ Истина, единая, цѣльная, высшая, служащая основаніемъ всего нашего нравственнаго бытія. Если бы не было Истины, то „безъ этой основы не существовали бы для насъ и научныя истины, ибо въ насъ не существовало бы нравственнаго стремленія къ открытію ея (т. е. Истины)."[1]) — „Истина! Вѣдь это абсолютъ, это — Богъ! Мы и не должны смѣть когда-нибудь ее постигнуть!.. Мы можемъ стремиться къ ней, и это стремленіе, данное намъ свыше, есть наше дрогоцѣннѣйшее достояніе."[2])

Съ трудомъ вѣрится, что Пироговъ-врачъ, знаменитый хирургъ и ... мистикъ!.. Но объ этомъ опредѣленно говорятъ его письма и дневникъ.

Въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ Пироговъ говоритъ: „Мистицизмъ для насъ совершенно необходимъ. Это одна изъ естественнѣйшихъ потребностей души... Все насъ окружающее, по своему существу, неисповѣдимо и мистично... Современный реализмъ ни къ чему насъ не приводитъ своею тощей пустотой: онъ убѣждаетъ только игнорировать неисповѣдимое" (Т. II, стр, 498).

Въ своемъ „Дневникѣ стараго врача" Пироговъ не находитъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ человѣкѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ и съ колыбели до могилы міровыми тайнами, существуетъ склонность къ мистицизму. „Можно ли требовать отъ обитателей земли, одаренныхъ способностью живо представлять себѣ неосязаемое, чтобы они остава-

---

¹) Т. I, стр. 55.
²) Т. I, стр. 55.—56,

лись всегда въ будничномъ настроенiи духа и мирились съ злобой дня, когда судьба, давъ имъ стремленiе къ предвидѣнiю и силу воображенiя, не дозволила отдаляться отъ земного жилища далѣе окружающей его воздушной оболочки, да и для пытавшихся подняться — превращаетъ небесную лазурь въ черную ночь?! Каждый листокъ, каждое сѣмячко, каждая былинка напоминаютъ намъ о таинственной лабораторiи, существующей внѣ насъ и въ насъ самихъ, гдѣ все неустанно работаетъ для себя и для окружающаго, съ цѣлью и мыслью. Еще болѣе сокровенная и, главное, болѣе безпокойная тайна — это наше собственное сознанiе. И, наконецъ, гдѣ-то далеко-далеко таится тайна тайнъ, происходящая изъ нашего же сознанiя: это — истина! Все въ человѣкѣ и вокругъ него мистично. Какъ же можетъ человѣкъ не быть мистикомъ?"[1])

Если бы мы вздумали доказать логически, т. е. по законамъ одного ума, истину того, что открываютъ отвлеченiе и самосозерцанiе, то напрасны были бы наши усилiя: съ формальной стороны эти попытки всегда будутъ грѣшить непослѣдовательностью; истины, открытыя путемъ самосозерцанiя, не будутъ понятны послѣдователямъ и почитателямъ формы. Даже для насъ самихъ „эти взгляды, какъ результаты самосозерцанiя, не могутъ быть такъ ясны, какъ математическiя аксiомы; но, какъ предчувствiя, при извѣстномъ состоянiи духа, они могутъ для всѣхъ сдѣлаться яснѣе всѣхъ математическихъ аксiомъ, всѣхъ выводовъ опыта и всѣхъ историческихъ истинъ на свѣтѣ"[2])

---

[1]) Т. I, стр. 54.
[2]) Т. II, стр. 21.

Истину самопознанія пойметъ только тотъ, кто самъ чувствуетъ и убѣжденъ, что „для насъ, кромѣ истины математической, опытной и исторической, есть еще и другая (доставляемая намъ вѣрой), которая слишкомъ безпредѣльна, чтобы помѣститься въ тѣсныхъ границахъ этого размѣщенія.“[1])

И тотъ дѣйствительно вѣрующій, кто отличаетъ истину, добываемую путемъ анализа и разслѣдованія, отъ истины, сообщаемой вѣрой.

Такой человѣкъ, проникая въ свой внутренній міръ, приходитъ къ утѣшительнѣйшей мысли, что и за гробомъ его ожидаетъ продолженіе жизни, продолженіе существованія, хотя и въ иномъ видѣ, — жизнь духа, свободнаго отъ всѣхъ слабостей и несовершенствъ матеріи. „Для врача, ищущаго вѣры, — признается въ своемъ дневникѣ Пироговъ,— самое трудное — увѣровать въ безсмертіе и загробную жизнь. Но признаніе идеала вѣры вѣрующимъ должно быть полное и безусловное.“[2])

Поборовъ, въ концѣ концовъ, свои анатомическія и физіологическія сомнѣнія, Пироговъ заявляетъ: „для меня невозможно сдѣлалось остановиться на анализѣ одной матеріи и отвергнуть необходимость существованія высшаго духовнаго начала, какъ источника разума, воли, чувства и жизни“. — „Я вѣрую, — по крайней мѣрѣ стараюсь вѣрить и прошу Бога даровать мнѣ эту вѣру, — въ духовную загробную жизнь, и какъ отвлеченіе для насъ непостижимую. Такъ вѣрить я обязанъ, какъ христіанинъ; она — вѣнецъ ученія Христа; идеалъ вѣры въ загроб-

---

1) Т. II, стр. 22.
2) Т. I, стр. 185.

ную жизнь поставленъ Имъ; не умирая, мы не достигаемъ конечной цѣли нашей жизни. Вотъ суть ученія. . . Истину узнаемъ только за гробомъ." (Т. I, стр. 187, 189).

Спрашивается, какая же будетъ загробная жизнь: будетъ ли это существованіе духа соединено съ сознаніемъ своего существованія, можетъ ли оно быть соединено съ наслажденіемъ или мученіемъ, — объ этомъ „мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія, покуда мы живемъ матеріально. Одна смерть рѣшитъ эти вопросы, да и то еще едва ли для каждаго изъ насъ."[1])

Во всякомъ случаѣ, наше „Я", по мнѣнію Пирогова, есть независимое отъ матеріи психическое начало, связанное съ видимымъ тѣломъ какою-то духовною, крайне тонкою, эѳирною субстанціей метафизическаго происхожденія. Наше „Я" есть именно то, что въ насъ ощущаетъ. Это ощущающее начало есть нѣчто нераздѣльное, цѣльное и едва ли когда въ теченіе жизни измѣняемое. Вотъ почему, несмотря на локализацію въ мозгу психическихъ функцій, наше „Я", тѣмъ же менѣе, не можетъ быть локализированнымъ. Оно нераздѣльно и цѣльно, оно есть организующее начало нашей физической природы. „Наше я, — пишетъ Пироговъ, — играетъ какъ будто на клавишахъ тѣхъ органовъ, функціямъ которыхъ эмпиризмъ приписываетъ зрѣніе, слухъ, память, слово и т. д. Выражая своею игрой эти функціи, наше „я" само участвуетъ въ нихъ, какъ нераздѣльное цѣлое, связывая ихъ и проявляя ими свое бытіе."[2])

Въ моментъ смерти эѳирные атомы нашей

---

[1]) Т. II, стр. 26.
[2]) Т. I, стр. 78—80.

духовной субстанціи, отдѣляясь отъ тѣла, сохраняютъ еще, „безпрестанно колеблясь", прежнюю форму матеріальной оболочки, облекавшей ихъ даже и тогда еще, когда эта оболочка уже разрушилась и слилась съ стихіями земли.[1]) Вотъ почему атомы душъ нашихъ ближнихъ, сохранившіе еще наружный видъ грубой ихъ оболочки, въ минуты душевныхъ потрясеній могутъ представляться живущимъ на землѣ, какъ видѣнія, какъ безплотныя тѣни.[2])

Самое соединеніе грубой матеріи нашего тѣла съ эѳирными элементами духа у разныхъ людей различно. У однихъ еще при жизни мы видимъ стремленіе къ разъединенію духовнаго эѳира отъ тѣлесной матеріи; у другихъ — и самая смерть не способствуетъ его проявленію: индивидуальное существованіе оканчивается, сливаясь съ міровымъ эѳиромъ невѣсомыхъ.[3])

А между тѣмъ, каждому изъ насъ, хотя и въ различной степени, дана способность обособить нашъ духовный эѳиръ, начиная разъединять его отъ тѣла еще въ нашей земной жизни, утончая, возвышая, облагораживая нашу матерію, однимъ словомъ,— способствуя движеніямъ эѳира, дѣлать его все болѣе воспріимчивымъ къ ощущеніямъ матеріальнымъ, изощрять его сознаніе черезъ самую же матерію, приготовлять его, чтобы онъ и за гробомъ сохранялъ это сознаніе.[4])

И только тотъ, кто проложилъ себѣ этотъ путь въ здѣшней жизни, достигнетъ безсмертія, только онъ одушевится предчувствіемъ того, что его ожидаетъ за гробомъ. А кто былъ такъ

---

1) Т. II, стр. 28.
2) ibid.
3) Т. II, стр. 28.
4) Т. II, стр. 29.

несчастливъ, неспособенъ, лѣнивъ и ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самою высшею способностью человѣка — развивать сознаніе себя до самопознанія и одерживать черезъ то верхъ надъ матеріей, — тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ и предчувствовать. Много званыхъ, мало избранныхъ.[1])

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что жить на землѣ надо для усовершенствованія, для облагороженія матеріи; что необходимо приготовлять себѣ чрезъ земное бытіе путь къ безсмертію, къ сохраненію сознанія о себѣ и за гробомъ. „Кто, посмотрѣвъ съ этой точки на жизнь, не пойметъ, что при такомъ взглядѣ наши мысли, намѣренія, рѣчи и поступки получаютъ другое направленіе! А когда этотъ взглядъ окрѣпнетъ до степени убѣжденія, то какой завѣтный идеалъ высокаго и святого останется для насъ непривлекательнымъ, недостижимымъ? Какая жертва останется для насъ невозможною, чтобы жить для безсмертія, жить сознательно, вѣчно? Вотъ нашъ эдемъ, вотъ вѣчное блаженство откровенія! И наоборотъ, — утратить духовное сознаніе и слиться съ грубыми стихіями земли — вотъ вѣчный адъ.“[2])

Нельзя не согласиться съ этими утѣшительными доводами. Но возникаетъ вопросъ, чѣмъ же руководствоваться на избранномъ пути, гдѣ та путеводная нить, приводящая къ пристани духа? Въ „Дневникѣ стараго врача“ мы находимъ слѣдующія знаменательныя слова: „Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій

---

1) Т. II, стр. 30.
2) Т. II, стр. 29.

идеалъ вѣры. И принявшись за Евангеліе, котораго я никогда еще самъ не читывалъ, — а мнѣ было уже 38 лѣтъ отроду, — я нашелъ для себя этотъ идеалъ."[1]) Евангеліе явилось для Пирогова дѣйствительнымъ указателемъ пути къ совершенству. „Вѣруя, что основной идеалъ ученія Христа, по своей недосягаемости, останется вѣчнымъ и вѣчно будетъ вліять на души, ищущія мира, черезъ внутреннюю связь съ Божествомъ, мы ни минуты не можемъ сомнѣваться и въ томъ, что этому ученію суждено быть неугасаемымъ маякомъ на извилистомъ пути нащего прогресса."[2]) — „Откровеніе — идеалъ жизни, начертанный то въ умилительной простотѣ, то подъ видомъ цвѣтистыхъ иносказаній и олицетворенный въ земной жизни и дѣлахъ Искупителя."[3])

Такъ произошелъ знаменательный переломъ въ душѣ Н. И. Пирогова. Не безъ борьбы сталъ онъ вѣрующимъ; и на старости еще умъ разъѣдалъ оплоты вѣры. „Но, — читаемъ мы въ „Дневникѣ", — я благодарю Бога за то, что по крайней мѣрѣ успѣлъ понять себя и увидалъ, что мой умъ можетъ ужиться съ искреннею вѣрою. И я, исповѣдуя себя весьма часто, не могу не вѣрить себѣ, что искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя."[4])

Весьма замѣчательно въ Н. И. Пироговѣ то обстоятельство, что онъ, въ противоположность Л. Толстому, признавалъ историческое христіанство. Вотъ онъ что говоритъ: „Какъ бы

1) Т. I, стр. 181.
2) Т. I, стр. 182.
3) Т. II, стр. 21.
4) Т. I, стр. 174—175.

догматизмъ и обязательности государственной церкви, іерархизмъ, обрядность мнѣ лично ни казались противными духу ученія Христа, я не долженъ увлекаться моими личными склонностями и не въ правѣ не признать всѣ эти явленія на почвѣ христіанства необходимыми."[1])

Но и это еще не все. Н. И. Пироговъ былъ не только вѣрующимъ христіаниномъ, но и остался вѣрнымъ сыномъ той Церкви, въ догматахъ которой онъ былъ воспитанъ. Онъ открыто заявляетъ, что „каждый гражданинъ государства, имѣющаго свою государственную церковь, если онъ родился въ лонѣ этой церкви, обязанъ остаться ей вѣрнымъ на цѣлую жизнь, — какъ гражданинъ; его внутреннія убѣжденія, его сомнѣнія, его міровоззрѣніе, не соотвѣтствующее догматамъ исповѣданія, даннаго ему при рожденіи, тутъ ни-при-чемъ."

И вотъ почему, „если я спрошу теперь: какого я исповѣданія? то отвѣчу на это положительно: православнаго, — того, въ которомъ родился и которое исповѣдывала вся моя семья."[2])

III.

Таковы, въ общихъ чертахъ, интереснѣйшія, на нашъ взглядъ, особенности Н. И. Пирогова, какъ мыслителя. Громаднѣйшія дарованія, отличнѣйшая дисциплина ума и чувства, глубокое медицинское образованіе, самая врачебно-педагогическая дѣятельность этого человѣка дали Россіи оригинальнаго проповѣдника гуманистическаго идеализма. Философская система Н. И. Пирогова — безъ всякихъ преувеличеній —

---

1) Т. I, стр. 181.
2) Т. I, стр. 201.

одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи русской мысли, но мало знакомая широкимъ слоямъ нашего общества. Не будемъ разбираться въ причинахъ этого грустнаго явленія, что отвлекло бы насъ очень въ сторону, — скажемъ только, что немалую роль въ данномъ случаѣ сыграло ходячее мнѣніе нѣкоторыхъ представителей естествознанія и медицины, допускавшихъ, особенно въ 80-хъ гг. истекшаго столѣтія, въ мистическихъ дискурсахъ своего великаго собрата нѣкоторый дефектъ . . . въ его высокой психикѣ?! . .[1])

Мы пережили, къ счастью, время, когда трескучія сентенціи послѣдователей тургеневскаго Базарова и др. производили соотвѣтствующій эффектъ. Мысль идетъ впередъ! Въ наши дни подсознательная сфера человѣческой психики служитъ уже объектомъ серьезнаго изученія; сублиминальное „я", тончайшія переживанія сознанія признаются уже и жрецами опытнаго знанія. Вотъ почему проникновенныя предчувствія Н. И. Пирогова вызываютъ нынѣ особый интересъ и вниманіе къ себѣ. Не повторяется ли — ужъ въ который разъ! — старая исторія, случившаяся когда-то съ Паскалемъ, Ньютономъ и мн. другими искренними передъ собою и обществомъ даровитыми людьми, которыхъ въ свое время также считали сумасшедшими только за то, что они были глубоко религіозны!

Будемъ надѣяться, что не за горами время, когда завѣщаніе великаго врача-педагога обратится въ живую росу россійскаго просвѣщенія, что близка побѣда надъ современной жизнью съ ея коммерческими стремленіями, съ ея скеп-

---

1) „Пироговъ, какъ философъ, психологъ и богословъ", статья д-ра мед. [illegible]чсковскаго. — „Вопр. филос. и психол.", 1893 г. № 16, стр. 18.

тицизмомъ, оподленнымъ эпикуреизмомъ, гедонизмомъ и просто хулиганствомъ, — этими страшными язвами нашей общественности.

Въ часы тяжкихъ сомнѣній и унылаго раздумья какъ отрадна мысль, что когда-то жилъ и работалъ на одномъ съ нами поприщѣ поистинѣ учитель жизни! Предъ нимъ вставали тѣ же вопросы, что мучатъ насъ нынѣ, но на вопросы были отвѣты... И цѣлительнымъ бальзамомъ звучатъ тогда слова великаго русскаго писателя изъ его рѣчи о величайшемъ русскомъ поэтѣ, которыя, mutatis mutandis, какъ нельзя болѣе характеризуютъ міровоззрѣніе нашего маститаго юбиляра: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ. Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя, — и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой и святую правду его.“[1])

[1]) Изъ рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго о Пушкинѣ, 8 іюня 1880 г. — Полн. собр. соч. Дост. СПБ. 1891, т. XI, стр. 437—8

Цѣна 15 коп.

Складъ изд.
въ типографіи Г. Лаане,
Перновъ, Лифл. губ.